

УДК: 93/94

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-1-55-67

ПОЧЕМУ МУСУЛЬМАНЕ НЕ СТАЛИ ДЛЯ ДРЕВНЕЙ РУСИ «НЕМЦАМИ – НЕМЫМИ»?

Асонов Н. В.¹, Ежов Д. А.²

¹ *Московский педагогический государственный университет
119991, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1, Российская Федерация*

² *Финансовый университет при Правительстве РФ
125167, г. Москва, Ленинградский проспект, д. 49/2, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Установить основания для цивилизационного выбора России между Востоком и Западом, исторически обусловленные религиозно-политическим контекстом.

Процедура и методы. Исследование базируется на историческом, ценностно-целевом, витальном, нормативном, текстологическом, сравнительном и культурологическом приёмах анализа. Основными источниками являются русские летописи и зарубежные памятники письменности, содержащие сведения об истории Древней Руси.

Результаты. С учётом исследовательского контекста установлены факты, свидетельствующие о религиозно-политической близости Руси и мусульманского Востока.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты проведённого исследования инициируют дискуссию об этноязыковом значении слова «немцы», семантика которого в Древней Руси после принятия православия подверглась трансформации.

Ключевые слова: Древняя Русь, Запад, Восток, «немцы-немые», ислам, православие, соборность

WHY DID NOT THE MUSLIMS BECOME “GERMANS – DEAF AND DUMB” FOR ANCIENT RUSSIA?

N. Asonov¹, D. Ezhov²

¹ *Moscow Pedagogical State University
Malaya Pirogovskaya 1-1, Moscow 119991, Russian Federation*

² *Financial University under the Government of the Russian Federation
Leningradsky Prospekt 49/2, Moscow 125167, Russian Federation*

Abstract

Aim. To establish the grounds for Russia's civilizational choice between the East and the West, historically determined by the religious and political context.

Methodology. The research is based on historical, value-oriented, vital, normative, textual, comparative and culturological methods of analysis. The main sources are Russian chronicles and foreign written records, containing information about the history of Ancient Russia.

Results. Taking into account the research context, the facts that testify to the religious and political proximity of Russia and the Muslim East have been established.

Research implications. The results of the study initiate a discussion about the ethnic and linguistic meaning of the word “Nemtsy” (“Germans”), the semantics of which underwent transformation in Ancient Russia after the adoption of Orthodoxy.

Keywords: Ancient Russia, West, East, “Germans – deaf and dumb”, Islam, Orthodoxy, conciliarity

Введение

К началу 2020-х гг. отношения России и коллективного Запада достигли наивысшей степени обострения со времён окончания холодной войны и распада биполярной системы. Принимая во внимание исторические предпосылки происходящих процессов в мировой политике, представляется очевидным, что сегодня борьба за Россию сводится к борьбе за сохранение цивилизационно-культурного многообразия и поиску альтернативных моделей миропорядка. Исторически обусловленное восприятие западных ценностей актуализирует проблему цивилизационного поворота на Восток, поиск путей сближения с которым определяется интересами выживания российского государства в условиях перманентной угрозы безопасности, идущей с Запада. Предметная область настоящего исследования характеризуется сосредоточением авторского внимания на изучении религиозно-политических оснований для сближения русского государства с мусульманским Востоком, имеющим исторические предпосылки, которые удалось выявить в ходе анализа источников, на результаты которого в своих последующих суждениях и выводах опирается авторский коллектив.

Актуальность обращения к поставленной проблеме, помимо указанного выше, обуславливается тем обстоятельством, что в подобном ракурсе она не разрабатывалась в научной литературе, что предопределяет элементы новизны. Не умаляя достоинств исследований, посвящённых изучению исторической

ретроспективы противостояния между «Глобальным Севером» в лице Европы, России, Китая и Америкой с мусульманскими сообществами [7] и характеризующихся конфликтностью отношений между европейскими государствами и исламским миром [8], подчеркнём, что в них не делается акцента на религиозно-политические основания, лежащие в основе культурно-политической близости арабо-мусульманской и православно-славянской цивилизаций, соседствующих на территории России с VIII в. В то же время возрастающая на современном этапе роль российской мусульманской общины как составной части глобальной исламской уммы [3] побуждает к всестороннему рассмотрению непосредственных истоков культурно-цивилизационного взаимодействия России и этим регионом Востока, сумевшем оказать заметное влияние на материальную и духовную культуру нашей страны. Не будем забывать и о том, что православие мусульманами Поволжья ставилось выше западного христианства. Именно эти симпатии в итоге повлияли на добровольное вхождение в состав Московского государства тюрок-мусульман, в первую очередь башкир и ногайцев, видящих в православии нравственную основу политической власти и социальной стабильности.

Исторические и идейно-политические предпосылки восприятия образа Запада

Истоки угрозы со стороны Запада в отношении древнерусского государства следует искать в X в., когда Оттон III Сак-

сонский, прозванный *Mirabilia mundi* (Чудом мира), главной идеей своей внешней политики объявил «*renovation imperium Romanorum*» (обновление империи римлян). Утвердившись в «Вечном городе», он решил сделать его столицей мировой державы. Осуществление этого плана дало начало другому грандиозному проекту, связанному с расширением территории Священной Римской империи на восток. Это было то время, когда при содействии Владимира Святого Русь приняла православие, оказавшись главным объектом экспансионистских устремлений западных христиан, возглавляемых германскими государями и папской курией. На тот момент не только Северная, но и Центральная Европа сделали свой выбор в пользу престола святого Петра и включились в общую программу движения на восток. Активное участие норманов-папистов в разжигании княжеских междоусобиц и вторжения польской рати при поддержке германских и венгерских сил на земли Руси, включая захват ими Киева в 1018 г., были звеньями одной политической цепи. Таким образом, вопрос сохранения православия тесно слился с темой независимости, остро проявив себя после окончательного разделения христианского мира в 1054 г. Прямым следствием этого события стало решительное неприятие Запада, заставившее возвести против него «железный занавес».

Главные положения подобных построений были сформулированы в целом ряде религиозно-политических сочинений, ставших одной из основ государственной идеологии Древней Руси. Их общий смысл сводился к трактовке Запада как некоего центра греховной жизни, опираясь на который Сатана пытается соблазнить остальные страны и народы, уводя их от союза с Богом. Например, Феодосий Печерский в «Слове о вере христианской и о латинской», указывая на духовную ущербность Запада, призвал «всякого ученья их бегати, и норова их гнушати», ибо «развращённой погипе-

ли полна вера их. Её же ни жидове творят, то они творят»¹. Позиция Феодосия получила одобрение духовной власти страны, о чём нам свидетельствует «Стязание с латиною» митрополита Георгия, указавшее на 70 главных вин «латины» перед Богом. «И тех ради вин в жидовство явлено впадоша»². В схожем ключе рассуждает, обращаясь к Владимиру Мономаху, и митрополит Никифор.

Эта установка сохранила свою значимость в «Повести временных лет», к которой приложили руку ученики Феодосия. В XIII в. тема неприятия католического Запада, пошедшего по пути иудеев и предавшего союз с Богом ради материальных выгод, попала на страницы поучительной и житийной литературы. Самым ярким памятником этого жанра, демонстрирующим неприятие на Руси Запада, стало «Житие святого князя Александра», составленное «самовидцем» есмь възраста его». Стоит отметить, что во всех текстах католичество не рассматривалось как христианство. Оно подавалось в качестве сознательного ухода от него в сторону языческих или иудейских пороков, т. е. предательства союза с богом, повлекшего за собой отступление от правил семи Вселенских Соборов. Причём в «Житии» немцы фигурируют как «римляны», для которых вся цель военных походов на Русь сводилась к одному: «укоримъ словеньскыи языкъ ниже себе»³. Подобного отношения к себе со стороны восточных народов, надо полагать, на Руси не знали. У нас нет ни одного литературного па-

¹ Феодосий Печерский (игумен). Слово о вере христианской и о латинской // Макарий (Булгаков), Митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви. Кн. II. М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1995. С. 551–552.

² «Стязание с латиною» митрополита Георгия // Митрополит Макарий (Булгаков) История Русской Церкви. Кн. 2 М.: Изд-е Валаамского м-ря, 1995. С. 558.

³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // Полное собрание русских летописей. Т. III. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 293, 295.

мятника, где бы указывалось на желание какого-либо восточного народа или государства поставить славян «ниже себе».

«Немцы – немые» в исторических источниках

В силу такой идеологической установки расхожее у славян понятие «немцы» (немые), применяемое к тем, кто не понимал их язык [5], постепенно изменило своё смысловое содержание, перейдя из культурно-речевой сферы в религиозно-политическую. «Немцами» стали именовать тех, кто перестал слышать и понимать язык Бога, разучившись общаться с Ним при помощи правильной молитвы и настроя своих мыслей. В документах Древней Руси вплоть до конца XV в. авторы говорят о свейских, англянских, фряжских, гишпанских, франкских немцах, немцах из Рима и даже об «украинах Немецких»¹. В подавляющем большинстве случаев это относилось к тем, кто составлял этническую основу «Священной Римской империи», которой управлял «цесарь немецкий», и потому рассматриваемый у нас как главный враг, главный носитель зла и отступник от Бога. Надо полагать, в сходном ключе этот термин фигурирует и применительно к представителям римского папы («немьци... от папежа», «оть рима немци»)², указывая на духовного вождя католичества как инициатора «развращения» христианской веры.

При этом можно наблюдать отсутствие аналогичного негативного отношения к язычникам и мусульманским народам, речь которых вообще не имела ничего общего с языком славян, а вера противоречила многим базовым христианским установкам. Судя по всему, свою роль здесь сыграли 2 фактора. Первый

был связан с идеологической установкой православной церкви. Она осудила политику Запада, ведущую к созданию мировой державы во главе с «ветхим» Римом, несмотря на то, что он при Константине Великом утратил своё политическое и духовное первенство. Все права на лидерство были переданы «Новому Риму» (Константинополю), сыгравшему главную роль в организации Вселенских Соборов, начиная с 381 г., и утвердивших основы христианской веры и затем постоянно нарушаемых по инициативе папы и союзных ему западных императоров.

Кроме того, духовная власть Руси видела в отступлении от принятых норм веры больший грех, нежели в нормах языческой или исламской религии, ещё не поднявшихся на соответствующий пик духовно-нравственного восхождения и потому сохраняющих для своих последователей путь к совершенствованию и подлинному единению с Богом. Возможно, видя эту перспективу духовно-нравственного роста Азии, на землях которой был оформлен первый союз человека с Господом, и явился Иисус Христос, наши летописцы проводили качественное разграничение между двумя мирами, в тесном соседстве с которыми оказалась тогда Русь: «насади Бог рай на востоце, а на западе муку уготова»³.

Второй фактор исходил из интересов светской власти Руси, некоторые представители которой не прониклись идеалами христианства или отвергли их в силу глубоких расхождений с языческим пониманием добра и зла. Можно предположить, что в ходе военных походов на восток, особенно на территорию Волжской Булгарии в 985–986 гг., ряд князей и знатных дружинников могли проникнуться учением ислама, окончательно утвердившись здесь в 922 г. после прибытия сюда большого посольства багдадского халифа Муктадира. Этому сближению должны

¹ Русский хронограф // Полное собрание русских летописей. Т. XXII. М.: Языки славянских культур, 2005. С. 227, 535.

² Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. I. М.: Языки русской культуры, 1997. Стб. 85.

³ Летопись по Воскресенскому списку // Полное собрание русских летописей. Т. VII. М.: Языки русской культуры, 2001. С. 213.

были способствовать плотные торговые контакты двух стран. Согласно сочинению персидского учёного Гардизи, написанному в середине X в., русские купцы продавали свои товары булгарам только за золотые «чеканные диргемы». Причём, видя в русах и славянах два народа, он отмечает зависимое положение последних по отношению к первым, совершающим на славян набеги и обращающих их в рабство. Затем невольников «отводят в Хазаран и Булгар и там продают». Кроме того, они «ходят к славянам и насильно берут с них на своё содержание, пока там находятся». Тот же автор обращает внимание на отсутствие у русов «посевов и пашен». Поэтому всё необходимое они добывают своими мечами, причём у них особенно «много сулаймановых мечей»¹. Таким образом, преобладание восточного оружия говорит о тесном общении русов с мусульманскими странами, следствием чего могло стать приобщение некоторых из них к исламу, куда более терпимо относящемуся к войне и торговле, нежели христианство.

Особой строгостью здесь отличалось православие, сделавшее аскетизм своим идейным знаменем. Оно требовало следовать жёсткому правилу: «свет мирянам – иноки, свет инокам – ангелы». Это привело к свёртыванию транзитных торговых путей, пролежавших по землям Руси и приносящим огромные доходы. Так потерял свою значимость знаменитый путь «из варяг в греки», а натуральное хозяйство, ориентированное на библейский принцип «довольствоваться тем, что имеешь», стало занимать господствующее положение в экономике, подрывая благосостояние знати. Тем более что не только Ибн-Фадлан, но и богатый археологический материал указывает на значи-

тельный русский элемент на территории Булгара и Суvara, где находились главные мечети этой страны.

Отечественное летописание, составляемое и редактируемое православным духовенством, должно было обойти подобный факт молчанием, но, как известно, крупный литературный источник способен «проговариваться» и выдавать нежелательную для авторов информацию через описки или недомолвки. Скорее всего, именно к таким опискам следует отнести проявленную Владимиром Святым слабость к рассказам булгарских проповедников о своей вере, которые он «послушаше сладко»². Однако советники убедили князя принять греческую веру, с которой связала свою жизнь его бабка – княгиня Ольга – и с которым они познакомились в Константинополе, поразившись обрядовой стороной богослужения.

Надо думать, что Владимир был не одинок в своих первоначальных симпатиях к исламу. В данной связи сошлёмся на Ал-Марвази, сообщившего о неких русских князьях, пожелавших на рубеже X–XI столетий отказаться от православия и принять учение пророка Мухаммеда. С этой целью, как пишет автор, они направили посольство в Хорезм, считавшийся духовным центром мусульман Поволжья. Вскоре оттуда прибыли учителя, «чтобы обратить в ислам»³ каких-то русских людей. Более того, Муххамад Ауфи ведёт речь о целой группе князей и их подданных, которые после принятия христианства «почувствовали склонность к религии ислама и сделались мусульманами»⁴. Что это были за князья?

² Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. I. М.: Языки русской культуры, 1997. Стб. 85.

³ Ал-Марвази. Природа животных // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, А. В. Подосинова. Т. III: Восточные источники. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2009. С. 60–61.

⁴ Муххамад Ауфи. Сборные рассказы и блестящие предания // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / под ред. Т. Н. Джаксон,

¹ Гардизи. Краса повествований // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, А. В. Подосинова. Т. III: Восточные источники. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2009. С. 58–59.

Скорее всего, они представляли одну из побочных ветвей дома Рюрика или его братьев, будучи потомками Синеуса и Трувора. Их имена, не имеющие аналогов в отечественных летописях, фигурируют в ромейских документах после смерти Святослава как «архонтов росов». Это Несислав, Иерослав и их родственник Зинислав, избранный править какой-то частью росов¹.

Можно предположить, что это могли быть дети и внуки тех, кто «от рода Рускаго» упомянуты как «слы и гостье», «нетии» и бояре, участвовавшие в военных походах князя Игоря на побережье Чёрного и Каспийского морей. Согласимся, что князю нет нужды менять своих ближайших сподвижников в зависимости от географии своих военных экспедиций. В ту пору серьёзные социальные сдвиги, ведущие к резким изменениям в составе знати, почти не происходили, и все должностные обязанности, как правило, передавались с разрешения князя по наследству. Это значит, что знакомство с исламом, его религиозной культурой и арабским языком, без знания которого ислам не мыслим, вполне могло носить наследственный характер как атрибут дипломатических обязанностей, требующихся при заключении торговых или мирных договоров, заключавшихся на территории других государств.

Впрочем, это могли быть и местные уроженцы, согласившиеся служить русскому князю, но не порвавшие своей связи с родиной и её интересами. В частности, среди доверенных лиц князя Игоря, упомянутых в летописи 945 г., наряду с немецкими и славянскими именами мы встречаем Шеберидь Алдана, Свенестирь

Алдана, Тилию и Апубкара². Их имена или прозвища указывают на восточное, видимо, тюркское происхождение. Косвенно об этнокультурной близости политической элиты росов к иранским или тюркским племенам, кочевавшим между низовьями Днепра и Волги, можно судить по ряду упоминаний ромейских (византийских) и мусульманских трактатов, игнорирующих какую-либо этническую связь росов с германцами, но указывающих на их родство со скифами или тюрками. Особый интерес здесь имеет указание Ибн Фадлана, побывавшего с посольской миссией на берегах Волги в 921–922 гг. Исследователи отмечают в его записках одну интересную особенность: о хане волжских булгар он постоянно говорит как о «царе ас-сакалибы (славян)»³.

Некоторые отечественные исследователи полагают, что подобное указание было вызвано, с одной стороны, наличием большой диаспоры славян, давно живших на землях современного Татарстана, с другой стороны, в ханской ставке их могли считать исторически зависимым народом с тех пор, когда в конце в VI в. праболгары утвердились в донских степях [2; 4]. Вскоре они распространили свою власть на земли пеньковской археологической культуры, отождествляемой археологами с восточной ветвью славян. Не исключено, что какой-то вид зависимости, пусть даже формальный, охватил и алано-росов, оказавших решающее влияние на становление «государства Антов», северным форпостом которого был Киев.

Тут есть смысл указать ещё на одну особенность. Древнерусские письменные источники часто используют общий эт-

И. Г. Коноваловой, А. В. Подосинова. Т. III: Восточные источники. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2009. С. 62.

¹ Иоанн Скилица. Обзор истории // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, А. В. Подосинова. Т. II: Византийские источники. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. С. 233.

² Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. II. М.: Языки русской культуры, 1998. Стб. 35–36.

³ Ибн Фадлан // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, А. В. Подосинова. Т. III: Восточные источники. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2009. С. 66.

ноним «болгаре» как для дунайских, так и для волжских болгар.

Скорее всего, в них видели один народ, судьба которого тесно переплелась с жизнью славяно-русов, тем более что потомки хана Аспаруха, осев на южных границах Руси, в 865 г. приняли православие, поддерживая контакты с «чёрными болгарями», оставшимися в низовьях Дона. Мы знаем, что после походов Святослава эти земли вместе с крепостью Саркел (Белая вежа) вошли в сферу влияния Руси, а потом Тмутараканского княжества, распространившего свою власть при Мстиславе Ярославиче на огромную территорию от Кубани и Керчи до Переславля и Чернигова, включая донские степи.

Это исторически сложившееся особое отношение между Русью и булгарами на уровне политической власти могло заметно влиять на выстраивание отношений киевских князей по линии Запад-Восток, не позволяя им видеть в предках нынешних чувашей и казанских татар «немцев», даже после распространения в Волго-Камском регионе ислама. Вспомним, что, повествуя о походах Святослава на Восток в 968–969 гг., средневековые авторы обратили внимание на характер его политики с учётом этно-религиозного аспекта. Так, покорив иудейскую Хазарию, которой «служили и платили дань»¹ мусульмане булгары, он уничтожил её как суверенное государство и даже включил особо важные земли бывшего каганата в состав Руси.

Между тем в отношении булгар этого не произошло. Овладев Булгаром, являвшимся опорой хазар на территории Среднего Поволжья, Святослав не стал присоединять эти земли к Киеву и даже избавил жителей от уплаты дани². Дру-

гими словами он освободил булгар от религиозно-политического гнёта хазар, установив с ними мирные отношения. Похожие действия совершил его сын Владимир, напав по неизвестной причине на Булгар и взяв его в 985 г., он отказался обложить его данью и заключил мир. Согласно Лаврентьевской летописи на следующий год князь уже беседовал с их миссионерами о «вере Бохмичей» (магометанской). Находившиеся в сфере культурно-политического влияния булгар и Древней Руси финно-угорские племена вообще не могли рассматриваться в качестве чуждых им жителей Восточной Европы, от которых могла исходить какая-то угроза суверенитету или религиозным устоям двух стран.

К сожалению, дошедшие до нас письменные источники не сохранили информацию о характере религиозных учений ислама, попавших в поле интересов некоторых Рюриковичей, их послов, гостей и бояр. Можно только предположить, опираясь на косвенные данные, что в ту эпоху в кругах знати и рядовых граждан суннитское направление ислама было значительно лучше известно, нежели шиитское. Это объясняется географической близостью Волжской Булгарии, принявшей суннитский толк ислама и сохраняющей прочные религиозные связи с Хорезмом³, а также наличием обширных торговых контактов Руси с арабским миром. Утвердившие с конца XI в. свою гегемонию на Ближнем Востоке турки-сельджуки тоже были суннитами.

Территория Черноморского бассейна, к которому в ту эпоху относилась Древняя Русь, оставалась главной контактной зоной двух цивилизаций. Шиитский мир не имел к ней доступа. Торговый путь «в

¹ Ответное письмо хазарского царя Иосифа // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, А. В. Подосинова. Т. III: Восточные источники. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2009. С. 66.

² Ибн Хаукал. Книга путей и стран. 1.6.2.4; 1.6.2.9. // Древняя Русь в свете зарубежных источников:

Хрестоматия / под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, А. В. Подосинова. Т. III: Восточные источники. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2009. С. 88, 92–93.

³ История мусульманской мысли в Волго-Уральском регионе / под ред. Л. И. Алмазовой, Г. Г. Идиятуллиной, А. Г. Хайрутдинова. Казань, КГУ, 2015. С. 92–93.

хвалисы», ведущий по Волге в Каспийское (Хвалынское) море и далее в земли современного Азербайджана и Ирана, был более долгим и трудным. И хотя в X в. Русь им активно пользовалась и даже совершала успешные набеги, поднимаясь вверх по р. Куре, как о том повествует персидский чиновник Ибн Мискавайх, служивший при дворе Буидов, правивших в то время на Западе Ирана, в XI в. эта торговая артерия почти заглохла.

Говоря о втором факторе, отражающем интересы светской власти Руси, нельзя обойти молчанием экономический аспект. Некоторые восточные авторы доносят до нас интересную подробность о том, что с принятием православия, а оно крайне негативно относится к войне и любого рода торговым операциям, среди славянской знати возник интерес к исламу. Скорее всего, такая перестройка религиозной ориентации стала следствием более внимательного знакомства княжеско-боярской аристократии с догматами христианства. Так, если исламская религия оправдывала в ряде случаев военные походы как форму борьбы с неверными¹, то христианство требовало от властей «держатъ отчину свою» и не проводить никаких военных походов в миссионерских целях, обращая кого-либо в христианство силой. Между тем для языческой Руси такие походы носили постоянный характер и охватывали огромную территорию от Балтики до Балкан, Малой Азии и Закавказья, позволяя обогащаться благодаря мечу.

Во всяком случае уроженец Бухары Муххамад Ауфи в качестве значимой причины, заставившей некоторую часть политической элиты Древней Руси обратить свои взоры в сторону ислама, указал именно на обогащение в ходе военных походов. Он писал, что русы, приняв христианство в качестве своей новой религии, были вынуждены вложить в ножны мечи, которыми они добывали себе бо-

гатство. Перестав воевать, они потеряли главный источник своего дохода, и их финансовые дела полностью расстроились. Им стало тяжело жить, и они стали проявлять интерес к исламу, разрешавшему воевать за свою религию².

Альтернативные модели политического устройства Древней Руси

Теперь перейдём к политическому аспекту. Дело в том, что Ауфи и другие восточные авторы, говоря об исламском учении, претендующем стать важным атрибутом государственных интересов Древней Руси, ничего не сообщают о том, какая модель политического устройства предлагалась русским князьям мусульманскими учениями. Насколько она отличалась от той теоретической схемы, которая получила поддержку православного духовенства и стала обязательной для Древней Руси с конца X в. Трудно поверить, что такой важный вопрос не интересовал русских князей, испытывающих симпатию к исламу. Значит, есть прямой смысл остановиться на нём подробно и выяснить то, насколько идеологические представления о правильной и удобной Богу власти совпадали с традиционными для русских людей политическими идеями, сохранившимися у них со времён языческого уклада жизни.

Согласно имеющимся в нашем распоряжении источникам, русские люди с глубокой древности идеализировали общинную форму управления. Её ведущим политическим институтом было вече, предусматривающее коллективное, т. е. соборное (совместное) решение значимых социально-политических вопросов. По этой причине они не стремились переходить к авторитарной модели

¹ Коран, Сура 2 Аят 156-189; Сура 4 Аят 76-78; Сура 9 Аят 2.

² Муххамад Ауфи. Сборные рассказы и блестящие предания // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, А. В. Подосинова. Т. III: Восточные источники. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2009. С. 62.

управления, ущемляющей права и свободы всего коллектива в пользу отдельных лиц. Власть князей и старейшин носила выборный характер и была сильно ограничена рамками общественных интересов. То же можно сказать и о духовной власти. Языческие жрецы славян до принятия христианства не обладали в Древней Руси никакой политической силой¹. В итоге прямой вид демократического правления охватывал все стороны социальной жизни [6].

Это обстоятельство могло подтолкнуть какую-то группу сторонников сохранения соборности, имеющую авторитет среди славянских общин, как и некоторых представителей клана Рюриковичей, не желавших мириться с расширением властных полномочий великого князя, искать поддержку у ислама. Однако к тому времени ислам перестал быть единой религией и мог отвечать не только социально-политическим потребностям приверженцев соборного управления, но и тех, кто тяготел к авторитарным принципам управления на Руси.

Чтобы разобраться в данном вопросе, перейдём к анализу религиозно-политических представлений ислама, составивших его идеологический костяк, способный расположить в пользу этой религии сторонников соборности. Как известно, в VIII в. исламский мир раскололся на 2 крупных и даже враждебных друг другу мира шиитов и суннитов, не считая некоторых локальных направлений, например, исмаилитов. Каждое из них считало только себя отражением непорочной истины со своими представлениями о правильной власти. При этом одним из центральных идеологических аспектов всего исламского подхода к политике с самого начала было учение о государстве и власти.

Исламская политическая доктрина, базируясь на текстах Корана, хадисах и

их осмыслении мусульманскими улемами (учёными богословами), выделяла ряд общих принципов. Они сводились к признанию верховенства воли Аллаха как источника истинного нравственного закона, следовать которому требовалось и в деле организации управления людьми. Думается, Г. Джемаль был прав, когда указывал на отрицательное отношение пророка Мухаммеда и его последователей к государству [1]. Оно для традиционной исламской политической мысли никогда не выступало в роли какого-то положительного институционального образования. На государство взирали как на «тагут», т. е. в нём видели то зло, что было придумано без учёта воли Аллаха. Ведь институт государства был разработан порочными людьми для удержания своей власти над обществом, и он всегда был и будет инструментом насилия над людьми. Поэтому его нельзя перестроить в угоду нравственным требованиям ислама.

Вот почему в Коране мы не найдём ни одного слова о государстве [1]. Аллах молчит о нём, потому что оно есть зло. Один раз Коран упоминает только «даул», понимаемый как общинное богатство. На первоначальном этапе развития мусульманского общества его политическая идеология не использовала даже термин «государство». В соответствующих сочинениях той эпохи можно встретить термины «имамат», изначально переводимый как «руководство молитвой», и «халифат», понимаемый с VII в. как «преемственность». Именно они впоследствии стали применяться для обозначения различных форм управления в мусульманских объединениях.

Говоря о близости политических воззрений в этом вопросе раннего ислама и славянских племён, нельзя не обратить внимания на характерное отсутствие в древнерусских документах понятия «государство». Его заменяют совершенно другие слова: «земля», «страна» (сторона) и «народ». Использование данных понятий сохранилось и в монгольский период,

¹ Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1 (I–VI вв.) / отв. ред. Л. А. Гиндин, Г. Г. Литаврин. М.: «Восточная литература» РАН, 1994. С. 183, 369–373, 375.

что, без сомнения, отразило господствующую на Руси идеологическую установку.

В центре исламской политической доктрины лежит представление о том, что Коран и хадисы уже содержат в себе все главные теоретические наработки, необходимые для справедливой организации власти и общества. Так как всё верховное управление на небе и на земле принадлежит Аллаху, то мусульмане обязаны всего лишь выполнять Его волю¹. Следовательно, им нет смысла вдаваться в научные или богословские представления о государстве и создавать сложную систему организации власти, выгодную только небольшой группе людей, вставших во главе неё. Именно эту сложную форму в понимании сторонников общинного уклада жизни в VI–IX вв. сформулировало христианство и сделало её нормой государственной жизни, а «Ветхий Рим» со второй половины VIII в. ещё больше извратил принципы управления, встав на путь безграничного расширения властных полномочий пап, придумав легенду с «Константиновым даром», раскрывая высшую греховность Запада перед Богом.

В этом плане классическая исламская традиция, видящая в концепции «халифата» или «имамата» две ветви правильной власти, явно выигрывала перед тем, что нёс Руси Запад. Уже в первой половине XI в. знаменитый исламский улем Аль-Маварди дал чёткое определение имамата, получившее признание почти у всех суннитских богословско-правовых направлений (мазхабов). В его понимании имамат являет собой законное наследование пророческой миссии, направленной на охрану истинной веры и управление всеми людскими делами на земле². Тогда как понятие «халифат» включало в себя два принципиальных положения. С одной стороны, власть халифа может носить выборный характер. Право его выбора принадлежит только

самым достойным членам общины, но, с другой стороны, он может быть назначен на свою должность и предыдущим халифом, увидевшем в своём преемнике достойный ум и нравственную чистоту.

Кроме того, понятие «халифат» охватывало всех мусульман, которым Аллах, согласно тексту Корана, дал своего наместника из людей³. Выходило так, что любой мусульманин являлся потенциальным наместником Аллаха. Не взирая на своё социальное положение, он мог принимать активное участие в социальной жизни. Община имела законное право вручить самому достойному своему члену право руководства ею или лишить его должности, сохраняя за собой всю полноту верховной власти. Поэтому подчинённое положение халифа общине выражалось в его обязанности следовать нормам ислама, что составляло основу легитимности его власти, а вся полнота абсолютной власти могла быть только у Аллаха. Так решал данный вопрос суннитский мир и этим делал себя ближе к тем, кто был сторонником сохранения на Руси соборно-вечевой модели управления.

Чтобы в этом убедиться, следует вспомнить труд «Правовая политика Шариата» Ибн Таймии и «Трактат о народах и религиях» Ибн Хазма, указывающих, что с позиций ислама любой правитель может быть только старшим в кругу равных⁴. Неслучайно Аллах хвалит своих последователей за их желание совещаться между собой обо всех делах⁵. Эта особенность управления была подмечена у славян и русов ромейскими авторами. В уважительном или негативном контексте они повествуют о господстве у этих племён совещательной формы решения всех

¹ Коран, 5:44; 4:65; 2:40; 43:85.

² Аль-Маварди. Аль-Ахкам ас-султанийава-л-вилаят ад-динийа. Каир, 1973. С. 12.

³ Коран, 2:30

⁴ Бахнасаби С. Демократия и народный суверенитет в Исламе // ИА IslamNews: [сайт]. [17.04.2006]. URL: <https://islamnews.ru/demokratiya-i-narodny-j-suverenitet-v-i> (дата обращения: 06.01.2024).

⁵ Коран, 3:159

«выгодных и невыгодных дел»¹. Причём Л. Диакон указывает на латинское название высшего совета русов, который «носит название “комент”», что отвечает понятию «сходка»², а И. Скилица пишет о характерной для русов X в. системе избрания правителя³.

Получалось, что понятие «шура» как принцип совещательности оказался весьма близок по своей сути традиционной для Древней Руси соборности, где обязательно должно царить единодушие, кстати, сохранившееся в польских сеймах до XVII в. То же было и в исламском мире. С VII в. процессуальная целесообразность шуры осуществлялась в виде иджмы как единодушного мнения духовных авторитетов и соратников пророка. Любой мусульманин, согласно религиозному долгу, имел право принять участие в формировании шуры⁴, в состав которой входили не только видные религиозные деятели, но и светские люди, отличающиеся праведностью, образованием и активной жизненной позицией. Организационно-управленческая близость шуры как политического института славянскому собору можно выявить ещё по одному параметру. Подобно собору, шура могла быть составлена путём избрания или выдвижения представителей от разных групп населения.

Никаких ограничений на данный счёт ислам не предусматривал. Более того, считалось, что если национальная политическая культура или модель управления не противоречат требованиям веры, то нет смысла и запрещать их. Между тем на Западе принцип соборности, ставший одним из символов христианской веры, с VIII в. стал подвергаться гонениям со стороны римских пап, достигнув своего апогея в середине XV в., когда специальной буллой была запрещена всякая апелляция к решениям Вселенских Соборов.

Учитывая данный фактор, русские сторонники соборного управления, отвергающие движение в сторону абсолютизирующегося Запада, имели шанс не только сохранить соборное управление, но и возглавить его как первые русские мусульманине, если бы сумели встать во главе Древней Руси и взять курс на сближение с Волжской Булгарией. Приемлемость этого направления оправдывается тем, что Рюриковичи рассматривали себя в качестве единой политической общины, во владении которой находится вся русская земля. Поэтому соборное управление в виде княжеских съездов и советов для них было столь же естественно, как и для мусульман. В этом случае Древняя Русь, почти не меняя сложившейся политической системы, могла стать одним из джамаатов, понимаемого в контексте настоящего исследования в качестве самоуправляющегося религиозно-политического союза.

Правда, согласно исламской теории, даже если мусульманине составляли явное меньшинство во власти и в обществе, всё равно были обязаны рассматривать себя в качестве составной части уммы – малым джамаатом, имея своих политических руководителей. Но «русский джамаат» не мог жить обособленно от общей мусульманской уммы и обязательно должен быть связан с каким-либо государством, которым, скорее всего, могла являться Волжская Булгария. Выступая в роли религиозно-политического патрона, она должна определять характер всей по-

¹ Прокопий Кесарийский. Войны // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, А. В. Подосинова. Т. II: Византийские источники. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. С. 72.

² Лев Диакон. Книга 9 // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, А. В. Подосинова. Т. II: Византийские источники. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. С. 209.

³ Иоанн Скилица. Обзор истории // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, А. В. Подосинова. Т. II: Византийские источники. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. С. 233.

⁴ Абд аль-Кафир А. Ан-Низам ас-сиясий филь-ислям. б.м., б.г. С. 110–111.

литической жизни «русского джамаата», который был обязан, в первую очередь, действовать в её интересах, а не православной власти Древней Руси.

Характер этих действий должен быть подчинён одному из важнейших теоретических положений ислама, обозначенному понятием «джихад». Он является основной функцией и задачей уммы. Смысл данного понятия можно перевести как «старание, усердие» и «борьба», направленная на распространение и утверждение ислама как внутри общины мусульман, так и во внешнем мире. Можно сказать, Джихад, согласно Муххамеду Ауфи, стал решающей причиной, побудившей русских князей, имена которых нам пока не известны, перейти в ислам. Тем самым официальная власть Древней Руси должна была их рассматривать в качестве врагов православия, действующих в интересах своих зарубежных шейхов (вождей). Рядовых граждан, придерживающихся соборных принципов прямой демократии, учение о джихаде могло расположить к себе защитой идеи социальной справедливости, не допускающей угнетение одного мусульманина другим только потому, что кто-то знатней или богаче¹.

Заключение

В результате проведённого исследования установлены факты, свидетельствующие о религиозно-политической близости Руси и Востока, интерпретация которых позволяет подтвердить предположение, что знакомство с означенными положениями ислама, укрепившееся со времен выбора веры, вполне могло сыграть важную роль в расстановке, где в самом невыгодном свете оказался не Восток, а Запад, ставший для Руси «немецкой землёй».

Полученные в ходе исследования результаты содержательно дополняют дискуссии о пути современной России на фоне беспрецедентного по своему масштабу давления со стороны «западного мира», пытающегося создать иллюзию изоляции и контрастирующего с ним прагматичного подхода со стороны восточных партнёров. Представляется, что направление цивилизационного выбора, предопределённое исторически, приобретает реальные очертания в условиях формирующегося нового мирового порядка.

Дата поступления в редакцию 31.07.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Джемаль Г. Стена Зулкарнайна. М.: Социально-политическая мысль, 2010. 372 с.
2. Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. СПб., 2004. 368 с.
3. Малащенко А. В. Русская мусульманская община в мировой умме // Мировая экономика и международные отношения. 2020. № 3. С. 98–104.
4. Петрухин В. Я., Раевский Д. С. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М., 1998. 384 с.
5. Табейкина Е. К. Восточные славяне в древности: расселение, хозяйство, религиозные верования // Научный аспект. 2015. № 4-1. С. 81–86.
6. Шеппинг Д. О. Мифы славянского язычества. М.: Терра, 1997. 240 с.
7. Polk W. R. Crusade and Jihad: The Thousand-Year War Between the Muslim World and the Global North. Yale University Press, 2018. 656 p.
8. Potočnik D. Zahod in islamski svet skozi zgodovino // Edinost in dialog, 2019, no. 2, pp. 139–159.

REFERENCES

1. Dzhemal G. *Stena Zulkarnajna* [The Zulkarnain Wall]. Moscow, Socialno-politicheskaya mysl, 2010. 372 p.
2. Klyashtorny S. G., Sultanov T. I. *Gosudarstva i narody Evrazijskih stepej. Drevnost i srednevekove* [States and peoples of the Eurasian steppes. Antiquity and the Middle Ages]. St. Petersburg, 2004. 368 p.

¹ Коран, 4:75

3. Malashenko A. V. [Russian Muslim community in the world ummah]. In: *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World economy and international relations], 2020, no. 3, pp. 98–104.
4. Petruhin V. Ya., Raevsky D. S. *Ocherki istorii narodov Rossii v drevnosti i rannem srednevekov'e* [Essays on the History of the Peoples of Russia in Antiquity and the Early Middle Ages]. Moscow, 1998. 384 p.
5. Tabejkina E. K. [Eastern slavs in ancient times: settlement, economy, religious beliefs] In: *Nauchnyj aspekt* [Scientific aspect], 2015, no. 4-1, pp. 81–86.
6. Shepping D. O. *Mify slavyanskogo yazychestva* [Myths of Slavic paganism]. Moscow, TERRA, 1997. 240 p.
7. Polk W. R. *Crusade and Jihad: The Thousand-Year War Between the Muslim World and the Global North*. Yale University Press, 2018. 656 p.
8. Potočník D. Zahod in islamski svet skozi zgodovino. In: *Edinost in dialog*, 2019, no. 2, pp. 139–159.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Асонов Николай Васильевич – доктор политических наук, профессор кафедры политологии Московского педагогического государственного университета;
e-mail: nbassonov@yandex.ru

Ежов Дмитрий Александрович – кандидат политических наук, доцент Департамента политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ;
e-mail: president@lenta.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nikolai V. Assonov – Dr. Sci. (Political Sciences), Prof., Department of Political Science, Moscow State Pedagogical University;
e-mail: nbassonov@yandex.ru

Dmitriy A. Ezhov – Cand. Sci. (Political Sciences), Assoc. Prof., Department of Political Sciences, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation;
e-mail: president@lenta.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Асонов Н. В., Ежов Д. А. Почему мусульмане не стали для Древней Руси «немцами – немymi»? // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 1. С. 55–67.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-1-55-67

FOR CITATION

Asonov N. V., Ezhov D. A. Why did not the Muslims become “Germans – deaf and dumb” for ancient Russia? In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2024, no. 1, pp. 55–67.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-1-55-67